

ЧИТАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ...

МНОГОЛЕТНЯЯ и трогательная дружба А. Н. Островского с актером Петербургского Александринского театра Ф. А. Бурдиным, отраженная отчасти в переписке, ждет еще своего исследователя. Но и в том виде, в каком (к сожалению, неполно) эти письма изданы, они открывают широкую картину борьбы Островского за честь и достоинство драматурга, за его права в театре, рассказывает о страницах жизни великого реформатора русской сцены.

«Лес» — одна из самых любимых пьес Островского, самое репертуарное его произведение. Мировое значение этой комедии общеизвестно. Эта пьеса глубока, многогранна, описывает не только прошлый этап русской жизни в усадьбе «Пеньки», но во многом современна и сегодня.

Пошлости, своекорыстия, дремучей тоске противопоставлен светлый идеал искусства. Этот идеал олицетворяет фигура актера Геннадия Несчастливцева, мечтателя, гордого, благородного и одинокого человека.

В дошедших до нас зарисовках и фотографиях актеров, исполнявших эту роль (Бурдин, Вильде, К. Рыбаков, Н. Рыбаков, Писарев, Далматов, а в советское время — Мухин, Садовский, Юрьев, Ершов), Несчастливцев, как и написано в начале второго действия, «брюнет с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа, с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая пал-

ка, за спиной небольшой чемодан, вроде ранца, на ремнях».

В иконографии все точно соответствует ремарке драматурга. Последних из четырех вышеперечисленных актеров я видел, хорошо помню спектакли и у Мейерхольда, и в Малом, и во МХАТе, и в Академическом имени Пушкина в Ленинграде. Видел эту комедию и в других городах, и в других странах. Но всегда почему-то, несмотря на прекрасную постановку и большие актерские достижения, именно Геннадий Несчастливцев оставлял меня неудовлетворенным. Всегда казалось, что в исполнении этой труднейшей и благодарнейшей роли чего-то не хватает. И вот сейчас, читая и перечитывая пьесу, переписку Островского, ее касающуюся, я вдруг понял причину своих сомнений. Обычно эту роль играют актеры пожилые. Большинству из них за шестьдесят. А ведь Островский говорит, что его герой молод, хоть «на лицо он гораздо старше... Черты резкие... очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни». Внешний облик — это личина, под которой прячется герой. Ему всего «лет 35-ть». Если проследить по тексту пьесы (рассказ о нем Гурмыжской в первом действии), ему и того меньше. А это все: черты резкие, следы беспокойной и невоздержной жизни, большие усы — да ведь это же **ГРИМ!** Грим, под которым скрывается молодой человек с нежной, легкоранимой душой, щедрый, восторженный.

Не знаю, каким актером был Бурдин, судя по литературе, весьма ограниченным. Но человеком он был умным и тонким. Недаром с ним дружил драматург. Вот

как, прочтя пьесу, он писал по поводу распределения ролей в Александринском театре: «Ты требуешь от исполнителя (Несчастливцева.—И. Ш.) глубокого, грудного тона, самообладания, драматической пластичности...». И далее: «...вся роль не требует пафоса, не требует, чтоб актер выходил из себя...».

Воспользоваться советами драматурга Бурдину не пришлось. Роль явно не удалась ему. Очевидно, не хватило внутренних и внешних средств.

Характеристика, данная автором, расходится с общепринятой манерой исполнения этой роли.

Употребляя старые театральные понятия «амплуа», Несчастливцева должен играть «герой-любовник», а в большинстве случаев его играет «резонер». Должен быть Чацкий, а играет Скалозуб, должен быть Незнамов (у которого очень много общего в биографии с Несчастливцевым), а играет Муров или Дудукин.

Когда перечитываю Островского, вспоминаю спектакли по его пьесам, всегда думаю, что в Несчастливцеве автор вывел отчасти и самого себя.

Переписка Островского и Бурдина, письма к Некрасову, к брату полны горечи негодования по поводу пошлости, бездарности, лизоблюдства, чинопочитания, рвчества антрепренеров, деятелей двора и чиновников из конторы императорских театров. В расцвете своего таланта, когда были написаны уже «Лес» и многие другие пьесы, Островский жаловался Бурдину: «Я вижу из газет, что мои пьесы совсем не идут у вас; хоть бы ты спросил у Федорова, за что меня обижают». А за не-

сколько дней до этого Бурдин писал Островскому: «Чего же ждать от собрания этой подлой сволочи русскому театру». Всю жизнь Островский нуждался, получал чрезвычайно мало за свои произведения. В 1879 году, когда было уже написано все лучшее, что вышло из-под пера великого драматурга, он огорчился: «Слишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтоб на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и все-таки я не обеспечен настолько, чтоб позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделываю сюжеты вперед, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей, — так уж до воспоминаний ли тут!»

Помните, Несчастливцев говорит Аркашке: «Да, брат Аркадий, разбился я с театром...»

И еще он говорит: «Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несчастье. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, всё копеечники».

Мне кажется, что в театре не сыграна и драма Несчастливцева, когда он, думая о своей тетке Гурмыжской как о женщине прекрасной, святой, вдруг видит жадную, подлую и развратную старуху. Не сыграна и его внезапная любовь к Аксюше, в которой он увидел великую актрису. И как же он ошибся! Как же он заставляет себя забыть свою любовь, задуть ее в самом начале, узнав, что девушка любит Петра Восмибратова! Геннадий жертвует всеми своими деньгами и опять пешком по шпалам и проселкам уходит навсегда из гурмыжского леса.

«Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли».

Несчастливцев принужден ходить пешком — нет денег на кареты и лошадей. Но он любит такой способ путешествовать, знакомиться с людьми, узнавать их, беседовать, менять места... Странное дело: когда я думаю о Несчастливцеве, мне он кажется иногда Чацким, иногда Пушкиным, иногда Маяковским.

«В дорогу, Аркашка! Руку, товарищ!» — это как бы постоянный рефрен, сопровождающий Несчастливцева.

Бредет он по огромной России, от Белого до Черного моря, по дороге заходит в трактиры, на ярмарки, на базары, встречает знакомых, таких же, как он, бродяг.

Это близко воспоминаниям В. А. Нащокиной о Пушкине:

«...Поэт в путешествиях никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей».

Воспоминания П. И. Бартенева:

«Пушкин много и подолгу любил ходить; во время своих поездок по России нередко целую станцию проходил он пешком, а пройти около 30 верст от Петербурга до Царского Села ему было ни по чем»...

Сама по себе любовь к хождению пешком и сходство привычек ни о чем не говорят. Но у Пушкина и у Несчастливцева есть и другие сходные черты.

Нащокин свидетельствует, что Пушкин был не только образованнейший, но и начитанный человек. Так, он очень хорошо помнит, что Пушкин почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги и в свободное время... принимался за чтение. Читая Шекспира, он пленился его драмой «Мера за меру»...

В финале пьесы, когда Несчастливцев разоблачает

Гурмыжскую, Буланова и всех обитателей дремучего леса, он вдруг вынимает из кармана томик Шиллера с драмой «Разбойники», монолог из которой только что читал.

«Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению». И чуть дальше признается: «Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подъячий!»

В доме Островского был культ Пушкина. Он бережно хранил вазу с изображением великого поэта, возлагал венки на его могилу в день юбилея, цитировал в письмах стихи Пушкина.

Пушкин был для Островского выразителем лучших дум и чаяний времени. И поэтому вполне естественно, что он наделил своего любимого героя чертами любимого поэта.

А знаете, что было в чемодане-ранце, который он носит за спиной и который он, Несчастливцев, «сам сшил для дороги»?

Костюм Гамлета.

«...был фрак, да я его в Кишеневе на костюм Гамлета выменял».

Так и ходит он из Керчи в Вологду и из Вологды в Керчь, в Ставрополь и в Тифлис, землей войска Донского, в Карасубазар и в Иркутск, в Ирбит, Новочеркасск, Екатеринбург... с томиком Шиллера в кармане и с костюмом Гамлета за спиной. Вечный странник, романтик, нищий и самый благородный из всех людей, проходивших через этот лес, — артист Геннадий Несчастливцев.

Может быть, случайно кто-нибудь из актеров, собирающихся или уже играющих Несчастливцева, прочитает эти строки, и они помогут ему освободиться от старых штампов, от неверно понятого образа, уберегут от соблазна повторить ошибки предшественников.